

ЛЕВ ЛОПУХОВСКИЙ

1941

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

УДК 94(47+57)"1941"
ББК 63.3(2)622.11
Л77

Фотография на обложке:
Александр Устинов / РИА Новости

Лопуховский, Лев Николаевич.

Л77 1941. На главном направлении / Лев Лопуховский. — Москва : Эксмо : Яуза, 2019. — 800 с.

ISBN 978-5-04-097564-8

За прошедшие годы ожесточенные бои лета 1941 года на западном стратегическом направлении, где вермахт наносил основной удар, обросли многими мифами и легендами. Они порождены как советским агитпропом, так и историками-ревизионистами постсоветского периода.

В своей новой книге известный историк Лев Лопуховский, опираясь на ранее неизвестные отечественные и иностранные документы, без умолчаний и прикрас раскрывает подлинную историю сражений с наступающей Группой армий «Центр». Приведенные факты подтверждают, что только мужество и самоотверженность советских воинов позволили выстоять в первый год войны.

Автор уделяет особое внимание истории одного из старейших арtpолков большой мощности Резерва Верховного Главного Командования. Как и многие другие, встретившие внезапный удар врага в первые дни войны, он не стяжал славы громких побед. Но именно командиры и бойцы таких частей замедлили, а затем остановили врага, заложив фундамент будущей Победы.

УДК 94(47+57)"1941"
ББК 63.3(2)622.11

ISBN 978-5-04-097564-8

© Лопуховский Л.Н., 2019
© ООО «Издательство «Яуза», 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

К читателю

Вашему вниманию предлагается книга, первый ограниченный тираж которой (всего 500 экземпляров, на большее у меня не хватило средств) вызвал, к моему удивлению, немалый интерес со стороны людей, интересующихся неотлакированной военной историей Отечества. Особенно много откликов получил от родственников участников октябрьских боев 41-го года на Смоленщине. Возможно, многих из них заинтересовал рассказ о моих многолетних попытках установить обстоятельства гибели отца, 30 с лишним лет числившегося пропавшим без вести. Это внушало им надежду узнать правду и о своих родных, не вернувшихся с войны. Откликнулись даже совсем молодые люди — внуки и правнуки погибших и павших без вести солдат и офицеров. До сих пор ко мне обращаются люди с просьбами помочь достать книгу.

Благожелательное отношение к моему труду и необходимость дать ответы на их вопросы и пожелания подвигли меня на подготовку второго, дополненного издания. Чтобы облегчить читателям доступ к содержанию книги, решил издать ее в электронном варианте. О содержании книги и причинах, заставивших меня обратиться к описанию событий 1941 года, самого трагичного года Великой Отечественной войны, рассказано в предисловии к первому изданию 2015 г. Повторяться не буду.

За счет привлечения дополнительной информации о том времени уточнил события начального периода войны. В частности, пришлось вернуться к причинам запаздывания с оповещением войск приграничных округов о возможном нападении немцев. Это связано с непрекращающимися попытками выставить виновными в этом С.К. Тимошенко и Г.К. Жукова. Для этого используются из-

вестные мемуары полководца, изуродованные многочисленными рецензентами и «доработчиками» из различных ведомств. При этом не учитывают, что создавать свое произведение ему пришлось в условиях жесточайшей идеологической цензуры и прессинга со стороны комиссии ГлавПУРа, созданной специально для изучения книги маршала. Какими бы соображениями ни руководствовался Сталин, оттягивая решение о предупреждении войск о возможном нападении Гитлера, он подставил войска приграничных округов под внезапный удар врага.

По сравнению с первым изданием в книге более полно описаны действия наших войск в Московской оборонительной операции. Анализ неизвестных ранее архивных документов разгромленного вермахта заставил в некоторых случаях под другим углом рассматривать, казалось бы, давно известные факты. Например, уточнены обстоятельства и причины, почему, несмотря на мужество и самоотверженность окруженных под Вязьмой войск, их попытки прорваться из окружения раз за разом оканчивались неудачей. По просьбе читателей более подробно описаны действия дивизий московского ополчения. Попытался раскрыть причины их огромных потерь, понесенных буквально за несколько дней, в результате которых пять из них были расформированы, а остальные смогли восстановить боеспособность лишь после их переформирования и пополнения.

В последнее время участились попытки на основе старых советских мифов создать современную мифологию войны. Дело дошло до того, что 1941 год стали называть (конечно, из лучших побуждений, с оговорками и соответствующими пояснениями) не только самым трагическим и кровавым в отечественной истории, но и Годом Победы. Здесь просматривается все более усиливающаяся тенденция оправдания ошибок и просчетов тогдашнего военно-политического руководства. Люди, сделавшие патриотизм своей профессией, примитивно полагают, что народ, особенно молодежь, нужно и можно воспитывать только на положительных примерах, успехах и победах. Это заблуждение. Горькие, но правдивые слова о неоднозначных исторических событиях быстрее затронут душу человека, особенно молодого, и оставят глубокий след в его сознании.

На одной из встреч с читателями молодой человек, несомненно, патриот нашей Родины, обвинил меня в том, что я порой сгущаю краски, критикуя неудачные решения командующих и действия

наших войск. И при этом злоупотребляю словом «катастрофа». Он утверждал, что действия наших окруженных войск под Вязьмой надо рассматривать как победу, которая позволила отстоять Москву. Я тогда ответил ему кратко: еще одна такая победа, и удержать столицу мы бы вряд ли смогли. Видимо, парень исходил из официальной оценки событий под Вязьмой, «где <...> советские войска остановили продвижение главной немецкой группировки — группы армий «Центр» и нанесли ей тяжелое поражение». Он совершенно не представлял масштабы поражения. Не знал, что число только пленных, захваченных немцами, превышало общие потери, подсчитанные авторами новейшей «Книги потерь» издания 2010 г. В новой 12-томной истории Великой Отечественной войны ее авторы признали: «<...> за первые две-три недели боев под Москвой Красная армия лишилась до миллиона человек». Поэтому маршал Г.К. Жуков назвал события октября 1941 г. под Вязьмой катастрофой. Но странно: объявленные новые данные никак не повлияли на итоговые цифры наших потерь за всю войну, утвержденные давно почившим ЦК КПСС, которые за прошедшие почти три десятилетия «исследований» не изменились, ни на одного человека.

В этом издании я исключил главу о потерях, но совсем обойти этот вопрос просто не имел права. Власти долго не решались называть страшные цифры наших потерь. Только в 1988 г. военные доложили ЦК КПСС расчеты, которые можно было бы опубликовать. Через 45 лет после Победы, 8 мая 1990 г., М.С. Горбачев объявил: «Война унесла почти 27 миллионов жизней советских людей». 9 мая Министр обороны СССР Д.Т. Язов озвучил цифры безвозвратных потерь, учтенных в оперативном порядке, — 11 444,1 тыс. военнослужащих. Начальник Генштаба генерал армии М. Моисеев, назвав демографические потери (8 668,4 чел.), специально подчеркнул, что приведенные им цифры **«максимально возможные»**. На вопрос, почему же на протяжении 45 лет фигурировали совсем иные сведения, он простодушно ответил: «Мы долго держали в секрете данные о потерях. Они были проанализированы лишь в 1988—1989 годах». Ясно, что засекретили их на долгие годы потому, что это неразрывно связано с мерой ответственности тогдашнего военного и политического руководства страны за поражения первой половины войны.

Но военные считали не только свои потери. Они доложили, что людские потери Красной армии и флота оказались на 60% боль-

ше, чем потери стран фашистского блока. Соотношение по потерям **1,6:1** в пользу противника членам ЦК показалось неприемлемым. И в 1993 г. в труде «Гриф секретности снят» соотношение по безвозвратным потерям СССР и Германии с их союзниками снизилось до **1,3:1** в пользу противника. Оно вполне устраивало власти. Прошло еще 17 лет, и тому же авторскому коллективу путем явного подлога удалось довести соотношение по безвозвратным потерям вооруженных сил СССР и Германии и их союзников до **1,1:1**, то есть сделав его практически равным. Получается, что мы победили врага «малой кровью, могучим ударом», как пели до войны. К великому сожалению, это не так...

А сейчас пока вынужден с сожалением констатировать, что все мои усилия в течение 5 лет оспорить официозные данные о потерях, не достигли цели. Но еще не вечер. А за свои слова я готов ответить перед товарищами, сослуживцами по 41-летней службе в рядах Советской армии и пред Богом!

Мириться с подобными методами «исследований» было нельзя. В течение пяти с лишним лет в меру своих сил стремился не допустить использования явно заниженных цифр наших потерь в новой истории войны. Увы, пока безуспешно. В последней главе книги я рассказываю о противостоянии по этому вопросу с оппонентами, в том числе и с чиновниками Минобороны, которое порой принимало почти детективный характер. Рассказываю и о нравах, сохранившихся в некоторых околонуточных кругах с советских времен. Единственным результатом усилий моих и моих единомышленников условно можно считать то, что главная редакция многотомника новой истории войны все-таки решила не упоминать об этом скандальном соотношении. Но при желании любой старшекласник, зная итоговые цифры потерь воюющих сторон, сможет вычислить его самостоятельно. К тому же сотрудники Минобороны, имеющие отношение к учету военнослужащих, погибших в войне, на пресс-конференциях, обычно приуроченных ко Дню Победы, заявляя, что уточненные цифры военных потерь в Великой Отечественной войне сторон, воевавших на советско-германском фронте, фактически равны. И это в условиях тяжелейших поражений первой половины войны!

Но кто ж этому в эпоху Интернета поверит? На этот случай авторы написали: «Однако истина состоит и в том, что цена победы

могла быть и не такой высокой». И перечислили причины (не все), почему она оказалась выше, чем могла быть. Однако не сказали — «высокой», по сравнению с чем? Хотя здесь важно другое: авторы и редакторы многотомника впервые признали, что наши потери в войне оказались чрезмерными. И сказано это при «доказанном» ими практическом равенстве потерь воевавших сторон. На мой взгляд, они ненароком проговорились, сделав правильный вывод о неоправданно высоких потерях наших войск в сравнении с потерями противника. Но тогда речь надо вести о другом соотношении, более соответствующем реалиям минувшей войны, когда Красной армии пришлось в течение трех лет практически в одиночку сражаться с армией агрессора, опирающейся на экономический потенциал почти всей Европы.

Но стоит ли сыпать соль на раны в наше сложное время и считать не вернувшихся с войны, которая закончилась Победой более 70 лет назад? Ведь другие историки как-то обходят эту болезненную тему. У меня к нашим потерям особое отношение. Одиннадцатилетним я видел женщин и детей, раненных и убитых ранним утром 22 июня 41-го, когда страна еще не знала о нападении Германии. Поэтому, пользуясь случаем, прошу прощения у читателей за то, что при повествовании о грозных событиях 41-го года порой вношу в него личные моменты. Я ведь не дипломированный историк.

Войн без потерь не бывает. Речь здесь идет о неоправданно высоких потерях, допущенных в результате чьих-то непростительных ошибок и просчетов разного рода. Представляя на суд читателей второе издание книги, хочу подчеркнуть, что не претендую на полноту своего исследования. Окончательно поставить точку на проблеме учета потерь сейчас невозможно: не хватает достоверной информации, в первую очередь о количестве пропавших без вести военнослужащих, счет которых идет на миллионы. Но надо всегда помнить об их родных. Судите сами. По официальным данным, за годы войны пропало без вести и попало в плен более 4,5 млн военнослужащих. Погибло в плену более 2,5 млн (то есть почти 60%). Но поименно известно только о 495,6 тыс. из них (менее 19%). О судьбе остальных родные и близкие до сих пор ничего не знают. Их ищут и не находят уже внуки и правнуки.

Между тем в картотеке ЦАМО число пропавших без вести солдат и сержантов, фамилии которых зафиксированы в донесениях

командиров войсковых частей и в учетных данных военкоматов, превышает 7 млн. То есть установлены фамилии всего 7% от общего количества. И эти 7 млн никак не вписываются в объявленное число потерь военнослужащих. А ведь большинство из них с оружием в руках защищали Родину! В то же время в ЦАМО РФ до сих пор не закончена работа по учету сотен тысяч карточек советских военнопленных, переданных немецкой стороной. Почему они до сих пор даже не переведены? Кто за это должен ответить? А если переведены частично, то когда об этом узнают родные погибших и пропавших без вести и общественность? Наконец, на каком основании вдруг засекретили итоги работы по упорядочению данных картотек безвозвратных потерь ЦАМО?

Правду о цене, которую пришлось заплатить народам СССР за Победу с точностью до одного человека, мы узнаем лишь на Страшном Суде. Но представить себе реальный порядок цифр уже сейчас — вполне возможно. Давно пора сказать народу правду, какой ценой была сокрушена гитлеровская Германия. Но руководители Минобороны, имеющие отношение к документам о потерях, вряд ли сами добровольно пойдут на это. Чтобы на деле решиться на уточнение наших потерь в войне, нужна политическая воля.

К сожалению, мне и другим независимым исследователям, моим единомышленникам в вопросах потерь, не удалось пока публично разоблачить авторов явного подлога и их покровителей. Они так и не поняли, что своей ложью могут навести тень на светлый образ Великой Победы, за которую отдали свою жизнь в 1941 году миллионы солдат и офицеров Красной армии, в том числе мой отец и его боевые товарищи.

***Ветеран войны, профессор Академии
военных наук, член Союза журналистов
России, полковник в отставке Л.Н. Лопуховский
12.04.2017 г.***

ПРЕДИСЛОВИЕ

(к изданию 2015 г.)

Близится 70-летие Великой Победы. Отмечая этот всенародный праздник, люди старшего поколения обязательно вспомнят 1941 г. Подробности сражений этого года по-прежнему привлекают внимание ветеранов, историков и всех тех, кому дорога память о советских воинах, отдавших жизнь за свободу и независимость нашей Родины. Семь десятилетий — достаточный срок, чтобы попытаться разобраться, как развивались события, приведшие к катастрофам 1941 г. Но споры по этому поводу в среде историков не прекращаются до сих пор. Всех мучает вопрос, почему Красная армия, обладавшая огромными потенциальными возможностями в отношении численности личного состава, оснащения вооружением и боевой техникой, намного превосходящая вермахт по количеству танков и самолетов, так бездарно проиграла приграничное и последующие сражения первого года войны?

Выдвигаются различные версии, вплоть до самых невероятных. В эту полемику посильную лепту внес и автор предлагаемой читателю книги — профессор Академии военных наук РФ кандидат военных наук полковник в отставке Л.Н. Лопуховский в работах «Вяземская катастрофа» (2008), «В первые дни войны» (2008), «Июнь 1941. Запрограммированное поражение» (2010). В связи с появлением ранее неизвестных документов из советских и иностранных источников он снова вернулся к теме 1941 года, сосредоточив основное внимание на описании и анализе боевых действий на западном стратегическом направлении, где вермахт наносил главный удар.

Стремление разобраться в причинах поражений Красной армии привело его к необходимости дополнительного изучения проблем строительства Красной армии в предвоенный период, в том числе

и развития старейшего рода войск — артиллерии, причем артиллерии большой мощности Резерва Главного командования. Историки незаслуженно мало, в отличие от авиации и танковых войск, уделяли ей внимания. Автор не обошел вниманием и развязанные в армии репрессии, которые усугубили ее кадровые проблемы. В первой главе кратко описываются польско-германская война, уроки которой, как и войны на Западе, были недооценены советским военным командованием, а также участие Красной армии в военных конфликтах 1939 – 1940 гг. В книге рассматриваются вопросы мобилизационной и боевой готовности артиллерии Западного фронта, который 22 июня подвергся внезапному удару самой мощной группы армий «Центр». Недоработки и просчеты, допущенные в предвоенный период, во многом предопределили трагическое развитие событий в начале Отечественной войны.

На это наложились грубейшие ошибки и просчеты политического и военного руководства страной и армией в последние месяц и дни перед войной. Автор подробно останавливается на вопросе, почему опоздали с предупреждением войск о возможном нападении немцев. Кто виноват в этом? Каноническая версия, основанная на препарированных воспоминаниях Г.К. Жукова и других участников тех событий, по его мнению, не выдерживает критики. Анализ причин неорганизованного вступления Красной армии в войну позволил ему выдвинуть альтернативную версию. Читатель получает возможность сделать собственные выводы в отношении этого важного вопроса.

Л.Н. Лопуховский не уклоняется от попыток найти ответы на наиболее острые и спорные вопросы, например, касающиеся решений и действий командующих, которые в 1941 г. еще не были известными и уважаемыми полководцами Победы. Иногда ему приходится опровергать некоторые их утверждения, высказанные задним числом в послевоенных статьях и воспоминаниях. Свою правоту он обосновывает соответствующими ссылками на архивные документы и другие источники.

Основное внимание в книге уделено описанию Московской стратегической оборонительной операции. При этом наиболее подробно разбираются вопросы ее подготовки и ведения на первом этапе с привлечением малоизвестных фактов. Например, мало кто знает, что И.С. Конев в конце сентября, вопреки мнению Ставки, всерьез рассматривал возможность нанесения противником главного удара на канютинском направлении, то есть на местности, менее удобной для массированного применения танков. Об этом свидетельствует его доклад Сталину, отправленный в 23.30 1.10.1941 г. Ему удалось, по существу,

раскрыть замысел противника на окружение основных сил Западного и Резервного фронтов. Это был редкий, может быть, единственный случай в истории минувшей войны, когда в полосе обороны фронта шириной 347 км еще до начала наступления противника удалось выявить не только направление его главного удара, но и определить возможный участок прорыва шириной 5 км с деревушкой Шелепы в его центре!

Но И.С. Конев, только что назначенный командующим фронтом, так и не решился на самостоятельные действия, чтобы усилить оборону на стыке 30-й и 19-й армий в огневом отношении (на большее времени уже не оставалось). К сожалению, в 1941 г. наши командующие фронтами и армиями, выдвинутые на высокие посты после чистки 1937-1938 гг., в большинстве своем не имели достаточного боевого опыта. К этому можно добавить их неумение (и нежелание) отстаивать свое мнение перед высоким начальством и боязнь проявлять инициативу. Вред, нанесенный репрессиями, заключался не только в снижении уровня подготовки кадров, но и в нагнетании атмосферы страха и неуверенности среди командного состава. Действия с постоянной оглядкой «на прокурора» лишали их возможности своевременно реагировать на резкие изменения обстановки, принимать необходимые решения. Так, Конев уже в ходе операции, видя, что противник прорвал оборону фронта и успешно осуществляет свой замысел на окружение, не решился на усиление угрожаемого направления за счет пассивных участков. Только 4 октября он решился попросить у Сталина разрешения на отвод войск фронта. Опоздание с отводом войск на подготовленный Ржевско-Вяземский рубеж привело к катастрофе.

Не случайно во втором томе Военной энциклопедии издания 1994 года отмечено:

«Неудачный исход Вяземской [оборонительной] операции обусловлен тем, что советское командование не сумело правильно определить направления главных ударов противника и сосредоточить на них основные силы и средства. Командующие фронтами (Конев и Буденный) в ходе операции не осуществляли маневр войсками на угрожаемые направления, не руководили их отходом и действиями окруженных войск».

Интерес читателей, несомненно, вызовет описание боевых действий 20-й и 24-й армий, окруженных юго-западнее Вязьмы, о которых известно намного меньше, нежели о войсках 19-й армии. Сохранились лишь немногие донесения, принятые штабом Западного фронта и Генштабом (главным образом шифровки). Но они не рассекречены до сих

пор. Между тем, в сводке ОКХ за 11.10.1941 г. отмечалось, что «русские продолжают ожесточенные попытки прорыва, главный удар наносится южнее Вязьмы». И это понятно: в составе 20-й и бывшей 16-й армий действовали вполне боеспособные соединения, почти не имевшие потерь до начала отхода. О подробностях боев в окружении удалось узнать из документов разгромленного вермахта, которые свидетельствуют о настоячивых попытках прорыва наших войск из окружения, для отражения которых немцам потребовались значительные силы.

На основе новых данных удалось уточнить также характер действий соединений М.Ф. Лукина, когда они после неудачи прорыва у Богородицкое повернули на юг, на соединение с войсками 20-й армии. Существует мнение, основанное на «отредактированной» статье Лукина, что он якобы приказал выходить на юг «отдельными группами». Это выражение ошибочно перенесено из статьи Конева в Военно-историческом журнале и противоречит фактам. Согласно докладу бывшего начальника оперативного отдела 19-й армии полковника Маслова, вышедшего из окружения, части и соединения армии (пусть и ослабленные потерями) начали движение по трем маршрутам под командой своих командиров. Факты говорят о том, что их действия при преодолении немецких заслонов у автострады Минск — Москва и в дальнейшем были согласованы между собой.

Это следует из записей из журнала боевых действий 87-й пд (полученного автором от родных убитого унтер-офицера этой дивизии). А также из доклада бывшего начальника штаба 4-й армии генерал-лейтенанта Г. Блюментрита, который, находясь с 31 мая 1945 г. в плену у американцев, в 1952 г. решил поделиться с ними своим опытом трудной войны с русскими. На схеме из дневника генерала подробно, с указанием времени показан прорыв крупных сил 19-й армии, которые вышли в тыл соединениям 7-го ак противника. Их удалось остановить на глубине 12 км совместными усилиями двух дивизий. Кстати, именно на направлении прорыва при зачистке немцами местности у д. Ленкино 14.10.1941 г. и был взят в плен тяжелораненый командующий 19-й армией генерал М.Ф. Лукин. Превознося победу своих войск под Вязьмой, генерал невольно оставил нам свидетельства непреклонности и стойкости наших солдат и офицеров, их мужества и самопожертвования при выполнении воинского долга в тяжелейшей обстановке окружения.

Одной из причин возвращения к событиям первого года войны было давнее желание автора увековечить память бойцов и команди-

ров 120-го гап большой мощности РГК. Этим полком командовал его отец, полковник Н.И. Лопуховский, числившийся пропавшим без вести 30 ноября 1941 г. Именно попытки выяснить обстоятельства гибели отца и заставили его вплотную заняться историей минувшей войны. Тем более что о 120-м гап РГК в самые первые дни войны докладывали Жукову и даже самому Сталину. В результате многолетнего и трудного поиска, описанного в эпилоге, автор проследил историю полка с момента его создания в октябре 1929 г. до гибели в окружении под Вязьмой в октябре 1941-го. Вместе с ветеранами полка, которых удалось разыскать, он, начиная с 1981 г., в течение 14 лет регулярно выезжал на места боев под Вязьмой. А в мае 2011 г. совершил поездку в Белоруссию, чтобы проследить путь полка от места первого боя 23 июня 1941 г. у ст. Коссово-Полесское Брестской области до р. Щары.

Документы полка (в том числе и списки личного состава) были уничтожены перед прорывом из окружения. Поиск однополчан отца автор начинал с четырех известных ему фамилий. Ему удалось восстановить имена 806 военнослужащих полка. Имена 450 из них, погибших и пропавших без вести, увековечены автором на специальном сайте.

Вяземский поисковик Николай Слесарев в районе, где артиллеристы пытались прорваться из окружения, нашел останки 125 воинов, установив имена 19 из них. Все они включены в картотеки безвозвратных потерь Центрального архива МО РФ. А их останки перезахоронены на воинском участке Екатерининского кладбища г. Вязьмы с отдаванием воинских почестей

Наука побеждать далась нашей армии большой кровью. Данные о безвозвратных потерях Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне, опубликованные в труде «Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь», подвергаются большому сомнению. Слишком велика разница между ними и данными независимых исследователей, непосредственно работающих с первичными документами архивов. Эта проблема не потеряла актуальности и в наши дни, став объектом острой идеологической борьбы. Дело в том, что споры о масштабах людских потерь неразрывно связаны с мерой ответственности политического и военного руководства СССР того времени перед народом.

В книге представлены более полные данные о потерях наших войск в начальный период войны, в Московской стратегической оборонительной операции и в войне в целом. Л.Н. Лопуховский давно и последовательно выступает против заниженных, по его мнению, офици-